

**Международный пакт о
гражданских и политических
правах**

Distr.: General
1 July 2015
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Сообщение № 1961/2010****Решение, принятое Комитетом на его 113-й сессии
(16 марта – 2 апреля 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	X. (не представлен адвокатом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор, Y., Z. и A.
<i>Государство-участник:</i>	Чешская Республика
<i>Дата сообщения:</i>	4 января 2010 года
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 2 августа 2010 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	2 апреля 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	реституция имущества
<i>Процедурные вопросы:</i>	обоснование претензий; <i>ratione materiae</i>
<i>Вопросы существа:</i>	справедливое судебное разбирательство; дискриминация; право на эффективное средство правовой защиты
<i>Статьи Пакта:</i>	пункт 3 статьи 2 и пункт 1 статьи 14 (по отдельности и в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26)
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	статьи 2 и 3

* Переиздано по техническим причинам 28 июля 2015 года.

Приложение

Решение Комитета по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах (113-я сессия)

относительно

Сообщения № 1961/2010**

<i>Представлено:</i>	X. (не представлен адвокатом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор, Y., Z. и A.
<i>Государство-участник:</i>	Чешская Республика
<i>Дата сообщения:</i>	4 января 2010 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 2 апреля 2015 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1961/2010, представленного в Комитет по правам человека X. от своего имени и от имени Y., Z. и A. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Автор сообщения от 4 января 2010 года¹ является X., родившийся 20 октября 1935 года. Он представляет сообщение от своего имени, от имени своей матери Y., а также своих сестер Z. и A.; все они являются гражданами Германии². Автор утверждает, что, поскольку в соответствии с чешскими законами о реституции он, его мать и сестры как немецкие граждане не имеют права на компенсацию за трикотажную фабрику его отца, которая была национализирована в 1945 году, они являются жертвами нарушения Чешской Республикой их права, предусмотренного в пункте 3 статьи 2 и в пункте 1 статьи 14 по отдельности и в

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Лазхари Бузид, Константин Вардзелашвили, Марго Ватервал, Ивана Елич, Юдзи Ивасава, Сара Кливленд, Фотини Пазарцис, Мауро Полити, сэр Найджел Родли, Виктор Мануэль Родригес-Ресия, Фабиан Омар Сальвиоли, Оливье де Фрувиль и Юваль Шани. В соответствии с правилом 90 правил процедуры Комитета в рассмотрении сообщения не принимала участия член Комитета Аня Зайберт-Фор.

К настоящему решению прилагается текст особого (частично несогласного) мнения членов Комитета Мауро Полити, Виктора Мануэля Родригеса-Ресии и Оливье де Фрувиля.

¹ Первоначальная жалоба изложена в письме от 5 июля 2010 года.

² После регистрации сообщения автор в представлении от 20 июня 2013 года сообщил Комитету, что 27 ноября 2012 года Y. умер и его правопреемниками стали другие предполагаемые потерпевшие.

сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26 Пакта³. Автор не представлен адвокатом.

Изложение фактов

2.1 Отец автора J. владел трикотажной фабрикой в Рожнове-под-Радгоштем на территории сегодняшней Чехии. 9 марта 1979 года он умер, оставив в качестве наследников его вдове Y. и детей (автора сообщения, Z. и A.). В 1946 году фабрика была национализирована на основании Декрета № 100/1945, так как на ней были заняты более 400 работников, и она имела определенное значение для соответствующей отрасли экономики. Согласно статье 8 Декрета владелец национализированной собственности имеет право на компенсацию. Тем не менее в статье 7 Декрета предусматривается, что компенсация не выплачивается гражданам Германии, если они не докажут, что оставались лояльными по отношению к Чехословацкой Республике, никогда не совершали каких-либо правонарушений во вред Чехии или Словакии, активно участвовали в борьбе за освобождение страны или пострадали от нацистского или фашистского террора. Когда трикотажная фабрика была национализирована, компенсация не была выплачена и в ней не было отказано. В 1992 году компания была приватизирована и теперь существует под названием «S».

2.2 24 июля 2003 года автор и его родственники (мать и сестры) подали гражданский иск против «S» во Всетинский окружной суд, заявив, что они являются владельцами компании и что на момент его смерти J. был владельцем компании. Эта жалоба была основана на предположении о том, что Декрет № 100/1945 был применен недолжным образом, так как постановление о национализации компании не было подписано компетентным министром. Признав, что автор и его родственники являются действительно наследниками J. и имеют серьезный правовой интерес, выдвигая свои претензии, окружной суд отклонил 20 сентября 2006 года их иск на том основании, что объявление о национализации компании в «Официальном вестнике» было достаточным для надлежащего процессуального применения Декрета. 20 октября 2006 года автор и его родственники подали апелляцию в краевой суд в Остраве, который 12 октября 2007 года оставил решение окружного суда без изменений, но привел другое обоснование. Краевой суд отклонил тезис о том, что члены семьи имеют серьезный правовой интерес в данном деле, и в основу его решения положил заключение Конституционного суда Чехии от 1 ноября 2005 года о конфискации имущества государством до 1948 года. В своем заключении Суд подтвердил применимость чешских законов о реституции 1991 года, в соответствии с которыми заявления о праве на имущество, конфискованное до 25 февраля 1948 года, или ходатайства о частичной либо полной компенсации за ущерб имуществу, конфискованному до этой даты, не имеют никаких шансов на успех⁴.

2.3 Автор и его родственники в чрезвычайном порядке подали в Верховный суд апелляцию по юридическим мотивам, которую Верховный суд отклонил 24 марта 2009 года на том основании, что краевой суд применил закон надлежащим образом. 29 июня 2009 года автор и его родственники направили жалобу в Конституционный суд Чехии. Они утверждали, в частности, что окружной суд не предоставил их адвокату возможность проверить, была ли национализация компании

³ Факультативный протокол вступил в силу для Чешской Республики 1 января 1993 года в результате уведомления Чешской Республики о правопреемстве в отношении международных обязательств Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которая ратифицировала Факультативный протокол в марте 1991 года.

⁴ Автор не уточняет, какие имеются в виду законы о реституции, но позже ссылается на Закон № 87/1991, который был принят 21 января 1991 года правительством Чешской и Словацкой Федеративной Республики и вступил в силу 1 апреля 1991 года.

завершена в 1946 году без какой-либо выплаты компенсации или же процедура национализации в 1946 году продолжалась в ожидании решения о том, следует ли выплачивать компенсацию J. (в зависимости от того, можно ли признать J. немцем в соответствии с положениями Декрета № 100/1945 или он же воспользуется исключением, предусмотренным в статье 7 для тех, кто остался лоялен Чехии во время Второй мировой войны). 2 сентября 2009 года Конституционный суд отклонил жалобу как явно необоснованную, постановив, что он руководствуется положениями заключения Конституционного суда 2005 года.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что государство-участник нарушило те его права и права его матери и сестер, которые предусмотрены в пункте 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26. Автор заявляет, что Закон № 87/1991 о внесудебной реабилитации, который предусматривает реституцию собственности в определенных случаях, исключает возможность исправления совершенных до 25 февраля 1948 года несправедливых актов, в том числе в отношении неграждан Чехии, и декретов, а имущество, полученное до этой даты, является собственностью государства и не может быть возвращено с помощью ходатайств о реституции в соответствии с общими правилами гражданского судопроизводства. Автор констатирует, что заключение Конституционного суда 2005 года, в котором одобрены изложенные в Законе № 87/1991 требования о гражданстве и местожительстве, не позволяет тем, кто не имел гражданства Чехословакии во время конфискации земель, (и их наследникам) ходатайствовать в судах о реституции и компенсации. Автор отмечает, что после вынесения своего заключения Конституционный суд истолковывает законы о реституции таким образом, чтобы превратить их в «инструменты экспроприации того имущества, которое государство узурпировало, физически завладел им». Автор утверждает, что суды не предоставили ни ему, ни его семье никакой возможности доказать, что оспариваемое имущество принадлежит им. Автор заявляет, что как следствие толкования Конституционного суда законы о реституции явно дискриминируют неграждан Чехии, ибо «в 1991 году прошла повальная экспроприация, когда лишь некоторое имущество было возвращено только гражданам Чехии». Автор отмечает, что тот вид дискриминации, с которым столкнулась его семья, полностью отличается от концепции дискриминации, лежащей в основе решения Комитета по сообщению *Дробек против Словакии*⁵. Так, автор ссылается на сделанный Комитетом по этому делу вывод о том, что «законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не представляется дискриминационным prima facie по смыслу статьи 26 просто потому, что, как утверждает автор, оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами». Автор, напротив, утверждает, что в его случае незаконная экспроприация состоялась в 1991 году и, «таким образом, несправедливость была допущена не предшествующими режимами, а нынешним». Автор заявляет, что эта экспроприация в 1991 году, без предоставления какой-либо компенсации жертвам-нечехам, равнозначна дискриминационному обращению, несовместимому с положениями Пакта⁶.

⁵ См. сообщение № 643/1994, *Дробек против Словакии*, Соображения, принятые 14 июля 1997 года, пункт 6.5.

⁶ Автор утверждает, что при рассмотрении сообщения № 516/1992, *Симунек против Чехии*, решение о неприемлемости, принятое 19 июля 1995 года, Комитет констатировал, что законодательство, требующее наличия чешского гражданства для реституции или компенсации, несовместимо с положениями Пакта, поскольку такое законодательство «не должно приводить к дискриминации между жертвами прежних конфискаций, поскольку

3.2 Автор также утверждает, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 14 Пакта в отдельности, ибо чешские суды практически «закрыли» дело его семьи. Автор отмечает, что после того, как он и его семья подали в 2003 году гражданский иск против «S», Конституционный суд в своем заключении 2005 года постановил, что в соответствии с Законом № 87/1991 защита прав собственности, изъятой до 25 февраля 1948 года, может не осуществляться в рамках процедур общего права. Автор заявляет, что вследствие заключения Конституционного суда его семье не было позволено предъявить новые доказательства в гражданском судопроизводстве, что было равносильно прекращению рассмотрения их претензий⁷.

3.3 Автор утверждает, что в соответствии с пунктом 3а) статьи 2 Пакта он и его родственники имеют право на эффективное и обладающее исковой силой средство правовой защиты⁸. Так, автор ходатайствует о выплате компенсации за ныне приватизированную фабрику «S» на основе стоимости активов (т.е. земли и зданий) в 1991 году плюс проценты. Автор предоставляет составленный в рамках процедуры приватизации акт оценки, в котором указана сумма в размере 36 290 055 чешских крон плюс проценты⁹.

3.4 Касаясь исчерпания внутренних средств правовой защиты, автор отмечает, что гражданский иск его семьи был рассмотрен и отклонен в Верховном суде и Конституционном суде Чехии. Автор утверждает, что данный вопрос не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного разбирательства или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 28 января 2011 года и 24 августа 2012 года государство-участник дополняет содержащуюся в сообщении информацию. Государство-участник отмечает, что в ходе разбирательства в окружном суде выступавшая в качестве ответчика частная компания «S», комментируя иск, отметила, что она не является собственником некоторых из указанных активов и, следовательно, ей нельзя предъявить иск применительно к этим активам. Она также заявила, что другие активы она приобрела в 1992 году на основании надлежащим образом оформленного проекта приватизации и стала их собственником лишь 8 декабря 1992 года. Компания «S» констатировала, что она добросовестно пользуется упомянутыми активами, являясь их собственником в течение более 10 лет, и что, соответственно, даже если имеются юридические изъяны с точки зрения оформления ее права собственности на эти активы, она стала их законным владельцем, поскольку ее право не было оспорено в течение 10-летнего периода. В ответ на аргументы «S» автор сообщения и другие предполагаемые потерпевшие отозвали свои претензии в отношении некоторых активов, предъявив одновременно новое ходатайство о признании того, что на день его смерти J. был собственником

все жертвы имеют право на возмещение ущерба без произвольных различий» (см. пункт 11.6).

⁷ Автор ссылается на сообщение № 547/93, *Мауика против Новой Зеландии*, Соображения, принятые 27 октября 2000 года: «Решение государства-участника о законодательном прекращении разбирательства дел, находящихся на рассмотрении судов, вызывало бы возражение и составляло бы нарушение права доступа к суду».

⁸ Автор ссылается, в частности, на сообщение № 747/1997, *Де Фур против Чехии*, Соображения, принятые 30 октября 2001 года, пункт 9.2; сообщение № 774/1997, *Брок против Чешской Республики*, Соображения, принятые 31 октября 2001 года, пункт 9, и сообщение № 516/1992, *Симунк и др. против Чешской Республики*, Соображения, принятые 19 июля 1995 года, пункт 12.2.

⁹ По нынешнему обменному курсу 36 290 055 чешских крон равны примерно 1,67 млн. долл. США.

остальных активов. Проведя слушания, окружной суд признал, что заявители в целом имеют «законный интерес», добиваясь признания того права собственности по смыслу пункта с) статьи 80 Гражданско-процессуального кодекса, которое должно быть зарегистрировано в кадастре, и в случае их успеха запись в кадастре будет изменена. В то же время окружной суд отметил, что переход права собственности на трикотажную фабрику от J. государству, который произошел в тот день, когда Декрет № 100/1945 вступил в силу, соответствовал юридическим нормам, являвшимся частью правовой системы, и что эти нормы не могут быть оспорены судом. Окружной суд также констатировал, что с учетом даты, когда оспариваемая недвижимость была передана «S», нормативные акты о реституции не применяются и гражданское судопроизводство не может расширить или изменить сферу действия нормативных актов о реституции. Кроме того, окружной суд заявил, что ни национальность, ни гражданство заявителей или их законного правопреемника, ни их действия в 1930-е и 1940-е годы не являются «решающими факторами». В своем обращении в Конституционный суд, автор и его родственники утверждали, что, по их мнению, заключение, вынесенное пленумом Конституционного Суда, не применимо в их деле. Они также заявили следующее:

«Декрет № 100/1945 был... направлен против владельцев бизнеса независимо от их национальности, гражданства или позиции во время оккупации. Истцы согласны с решением пленума Конституционного суда о том, что права собственности нынешних собственников, которые были приобретены добросовестно, не могут быть оспорены без обоснованной причины. Тем не менее они полагают, что вправе требовать компенсацию за национализированные активы, а также за права собственности, приобретенные, как указано выше, в том числе и в частности на основании Декрета № 100/1945, положения которого подлежат правильному применению; если такая компенсация не была определена и предоставлена в шестимесячный срок после национализации, то такая национализация посредством огосударствления не считается еще до конца завершенной».

4.2 По мнению государства-участника, автор и его семья не исчерпали внутренние средства правовой защиты, ибо они не инициировали процедуру, в рамках которой они могли бы предъявить свои претензии о выплате компенсации за национализированную фабрику. Автор и его родственники имели и до сих пор имеют возможность ходатайствовать об оспариваемой компенсации перед Министерством финансов, которое обязано по закону принимать решения по поданным ходатайствам о компенсации за собственность, национализированную в соответствии с Декретом № 100/1945¹⁰. Поэтому государство-участник полагает, что автор и его родственники использовали неверную процедуру для предъявления своих претензий. Что же касается претензии, основанной на пункте 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26, то автор и его родственники могли бы подать иск в обычные суды и заявить, что законы о реституции носят дискриминационный характер, поскольку не исключают возможность реституции активов, конфискованных до 1948 года, и, соответственно, противоречат Конституции, но они не сделали этого. Автор и его родственники могли бы подать конституционную жалобу по этому вопросу, но не сделали этого¹¹. В их конституционной жалобе, поданной 1 июля 2009 года, автор и его родственники не сформулировали ходатайство по вопросу о дискриминации. Касаясь аргумента автора о том, что заключение Конституционного суда 2005 года изменило юри-

¹⁰ Государство-участник ссылается на решение Высшего административного суда по делу 4/2006 от 24 июля 2007 года.

¹¹ Государство-участник ссылается на сообщение № 724/1996, *Мазуркевич против Чехии*, решение о неприемлемости, принятое 26 июля 1999 года, пункт 6.3.

дическое толкование законов о реституции, государство-участник отмечает, что автор и его родственники ждали до 2003 года для подачи иска, и полагает, что, если бы они направили ходатайство о признании права собственности в первой половине 1990-х годов, их шансы на успех были бы, возможно, весомее.

4.3 Государство-участник также считает, что жалоба, поданная автором согласно пункту 1 статьи 14 в отдельности, является неприемлемой как неаргументированная и необоснованная. Касаясь довода автора о том, что дело его семьи в судах было закрыто, государство-участник полагает, что судебное разбирательство официально закрыто не было и что в соответствии с судебным толкованием применимых законов семья не удовлетворяет «важному требованию» о том, что она должна иметь правовой интерес в подаче иска о признании права собственности. Государство-участник отмечает, что и окружной суд, и краевой суд констатировали, что законы о реституции ограничены с материально-правовой точки зрения и по времени, поэтому у автора иска и его родственников нет основания его подавать. Кроме того, государство-участник полагает, что компанию «S» нельзя обязать предоставить компенсацию за национализированное имущество, поскольку «в национальной правовой системе нет никаких оснований для такого толкования, и авторы даже не указывают на какие-либо положения, идущие в этом направлении». По мнению государства-участника, рассматриваемое сообщение исходит из недовольства семьи автора в связи с отклонением судом их иска, и оно отмечает, что в любом случае из права на справедливое судебное разбирательство не вытекает право той или иной стороны на благоприятный исход. Государство-участник полагает, что автору и его родственникам было обеспечено справедливое судебное разбирательство, ибо решение по их делу принимали независимые и беспристрастные суды; процедуры разбирательства в этих судах были справедливыми; и авторы имели возможность в полной мере участвовать в данном разбирательстве. Государство-участник также считает, что в течение этого разбирательства никакие законы не были изменены. В соответствии со статьей 80 Гражданско-процессуального кодекса можно подать иск с целью добиться вынесения какого-либо решения о, в частности, признании наличия или отсутствия правоотношений либо права. В своем заключении 2005 года Конституционный суд разъяснил, что для того, чтобы иметь законный интерес в предъявлении иска в соответствии со статьей 80 Гражданско-процессуального кодекса заявитель должен испытывать «законные надежды на успех». Суд далее заявил:

«При подаче иска о признании права собственности игнорировать смысл и цель законодательства о реституции нельзя. Также нельзя эффективно добиваться, в соответствии с общими нормами, защиты права собственности, срок действия которого истек до 25 февраля 1948 года, при том, что в законодательстве о реституции нет ни одного положения, в котором бы определялся способ смягчения или исправления этой несправедливости в отношении собственности».

В своем заключении Конституционный Суд не установил никаких новых норм, касающихся законодательства о реституции, а, скорее, истолковал законы о реституции, которые уже действовали до того, как автор и его родственники подали их иск. В любом случае толкование Суда не было произвольным и не представляло собой отказ в правосудии, особенно с учетом обстоятельств, при которых течение времени является важным фактором. Государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 134 Гражданского кодекса собственник недвижимого имущества становится собственником активов, если он обладает этими активами непрерывно в течение 10 лет, и констатирует, что Конституционный суд

дополнил свои аргументы, упомянув, что право собственности «S» на недвижимость не было оспорено в течение 10 лет¹².

4.4 Государство-участник также полагает, что жалоба автора по пункту 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26 является неприемлемой как неаргументированная и необоснованная. Государство-участник отмечает, что данное дело отличается от случаев, рассмотренных Комитетом ранее, когда ходатайства авторов о реституции отклонялись на основании невыполнения требования о постоянном проживании или наличии гражданства. В рассматриваемом случае авторы не инициировали какие-либо процедуры реституции, их дело не подпадает под действие законов о реституции. Фабрика была национализирована на основании Декрета № 100/1945 до того, как стали применяться законы о реституции (т.е. до 1948 года). В Декрете не определен какой-либо критерий национализации, который был бы основан на гражданстве; скорее, национализация увязана с размером компании или характером деятельности. В данном случае фабрика была национализирована, поскольку она представляла собой определенный вид текстильного производства, на котором трудились более 400 работников в период, указанный в Декрете. В то же время, в соответствии с Декретом компенсация за национализированную собственность не может быть выплачена гражданам Германии, если они не удовлетворяют требованиям, упомянутым автором в его сообщении (см. пункт 2.1). Однако, автор и его родственники не инициировали процедуры компенсации, а их гражданский иск, поданный против «S» для признания их права собственности, не может быть использован для получения компенсации. Поэтому государство-участник полагает, что обращение с автором и его родственниками не отличалось от обращения с другими лицами, чье имущество или собственность их законных правопреемников была национализирована Декретом № 100/1945 до 1948 без выплаты компенсации. Государство-участник ссылается на практику Комитета, который констатировал, что законодательство о реституции, принятое в бывшей Чехословакии после падения коммунистического режима в целях предоставления компенсации жертвам этого режима, не представляется *prima facie* дискриминационным по смыслу статьи 26 просто потому, что оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами¹³.

4.5 Государство-участник также полагает, что это противоречило бы принципу субсидиарности, лежащему в основе Факультативного протокола, если бы Комитет рассматривал вопрос о предоставлении компенсации за национализированное имущество. Право собственности не гарантируется Пактом, и у Комитета нет юрисдикции в отношении исков, основанных на праве собственности, «даже если за ними стоят утверждения о нарушениях других прав», закрепленных в Пакте. Комитет не вправе решать вопрос о предоставлении компенсации государством-участником Пакта. Поэтому государство-участник считает, что ходатайство автора о компенсации выходит за рамки компетенции Комитета.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 14 марта 2011 года, 15 сентября 2012 года и 20 июня 2013 года по вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты автор утверждает, что он и его родственники подали иск против «S», чтобы увеличить свои шансы на успех в деле получения компенсации в рамках будущих переговоров с правительством Чешской Республики. Автор заявляет, что их шан-

¹² Государство-участник также отмечает, что в упомянутом автором сообщении № 547/93, *Мауика против Новой Зеландии* (см. сноску 7), Комитет констатировал отсутствие нарушения пункта 1 статьи 14 Пакта (см. пункт 9.10).

¹³ Государство-участник ссылается, в частности, на сообщение № 643/1994, *Дробек против Словакии* (см. сноску 5), пункт 6.5.

сы на успех были бы значительно выше, если бы они добились принятия судебного решения о том, что рассматриваемое имущество принадлежало его семье. Кроме того, автор отмечает, что было бы бессмысленно оспаривать сам Декрет, и что в основе его дела лежит то, что Декрет не был должным образом применен в случае с его семьей (так как на документе о национализации нет подписи Министра промышленности). Автор утверждает, что он излагал эту конкретную претензию в каждом судебном органе, включая Верховный суд. Автор далее отмечает, что только его семья вправе подать иск о признании права собственности, так как чешские кадастровые органы отказываются регистрировать собственность на основании судебных решений о реституции активов. Автор также называет циничным аргумент государства-участника о том, что он должен был подать иск в суд до вынесения заключения Конституционного суда в 2005 году, и утверждает, что его жалоба основана именно на отказе национальных судов рассматривать по существу его дело с учетом того же заключения.

5.2 Что же касается его жалобы по пункту 1 статьи 14 Пакта в отдельности, то автор повторяет свое утверждение о том, что заключение Конституционного суда 2005 года исключило возможность какого-либо рассмотрения процедуры проведения конфискации трикотажной фабрики. Поэтому автор заявляет, что это заключение сделало невозможным справедливое судебное разбирательство, так как автор и его родственники более не могут оспорить решение окружного суда о том, что отсутствие соответствующей подписи не имеет никакого значения.

5.3 Касаясь своей жалобы по пункту 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26, автор утверждает, что аргументы государства-участника не релевантны. Автор повторяет свой довод о том, что в 1991 году государство-участник произвело экспроприацию упомянутой собственности в вопросе и запретило предоставлять реституцию негражданам Чехии и Словакии, и это является «очевидным актом дискриминации».

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли оно приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 Комитет, как того требует пункт 2а) статьи 5 Факультативного протокола, отмечает, что этот же вопрос не рассматривается в связи с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению сделанное в связи с пунктом 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26 утверждение автора о том, что в своем заключении 2005 года Конституционный суд неправильно истолковал законодательство о реституции 1991 года, который применяется только к физическим лицам, чья собственность была конфискована после 1948 года и, таким образом, исключает возможность получения компенсации за имущество, конфискованное у этнических немцев на основании Декрета 1945 года, принятого до коммунистическим режимом¹⁴. Комитет отмечает, что в данном утверждении речь

¹⁴ Так, автор утверждает:

«По сути заключение [Конституционного Суда] подтверждает, что законы о реституции 1991 года легализовали права собственности (чешского) государства на активы, которые оно де-факто приобрело посредством конфискации, национализации или иным путем, независимо от того факта, что иначе бывшие владельцы могли в некоторых случаях отстаивать свои права собственности через обычные процедуры гражданского права.»

идет о рассмотрении Конституционным судом Чехии вопроса о применении национального законодательства. Комитет напоминает, что по общему правилу именно судам государств-участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле, кроме как если может быть доказано, что такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии или же если суд каким-либо другим образом нарушил свое обязательство в отношении независимости и беспристрастности¹⁵.

6.4 При рассмотрении сообщения № 516/1992, *Симунек и др. против Чешской Республики*, Комитет постановил, что применение Закона 1991 года является нарушением Пакта, поскольку из сферы его применения исключены лица, чье имущество было конфисковано после 1948 года лишь потому, что они не являлись гражданами страны или не проживали в ней после падения коммунистического режима в 1989 году¹⁶. Настоящий случай отличается от соображений по приведенному выше делу, так как автор в данном случае не утверждает о якобы дискриминационном обращении в отношении конфискации собственности после 1948 года. Вместо этого он утверждает, что толкование Закона 1991 года в заключении Конституционного суда 2005 года носит дискриминационный характер, поскольку в соответствии с этим Законом также не предоставляется компенсация жертвам, включая неграждан Чехии, за конфискации, произведенные в 1945 году на основании декретов докоммунистического режима. Комитет полагает, что в настоящем случае законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не является дискриминационным *prima facie* по смыслу статьи 26 лишь потому, что, как утверждает автор, оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами¹⁷. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что эта аргументация, которая была также применена в деле *Дробек против Словакии*, неуместна в его случае, ибо несправедливостью, которую он стремится исправить, является само законодательство о реституции 1991 года, равносильное «повальной экспроприации» без предоставления компенсации жертвам-негражданам Чехии. В то же время Комитет отмечает, что Закон 1991 года не применяется в отношении автора и его родственников из-за даты, когда была конфискована их собственность. Поэтому Комитет констатирует, что на эту собственность не распространяется действие оспариваемого Закона 1991 года вследствие временных ограничений, которые применимы ко всем в равной степени, как это было, например, в деле *Дробек против Словакии*. Соответственно, Комитет полагает, что автор не представил достаточных аргу-

---

И что Закон № 87/1991 о внесудебной реабилитации, исключив в преамбуле возможность исправления несправедливости, допущенной до 25 февраля 1948 года, включая акты несправедливости против граждан Германии и Венгрии, установил, что полученные таким образом активы являются собственностью государства и не могут быть предметом каких-либо исков, поданных в соответствии с общими нормами гражданского судопроизводства. Автор не просит Комитет пересмотреть данное Конституционным судом толкование Закона о внесудебной реабилитации. Напротив, он понимает это буквально и критикует содержание законов о реституции в толковании Конституционного суда... Такое толкование законов о реституции превращает их в инструменты экспроприации того имущества, которое государство узурпировало, физически завладев им».

¹⁵ См. принятое Комитетом Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 26, сообщение № 541/1993, *Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2.

¹⁶ См. сообщение № 516/1992, *Симунек и др. против Чешской Республики* (см. сноску 8).

¹⁷ См. сообщение № 643/1994, *Дробек против Словакии* (см. сноску 9).

ментов в обоснование для целей приемлемости своей жалобы по пункту 1 статьи 14 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26 на то, что вынесенное Конституционным судом заключение было явно произвольным или равносильным либо очевидной ошибке, либо отказу в правосудии.

6.5 Комитет также принимает к сведению довод автора по пункту 1 статьи 14 в отдельности о том, что рассмотрение его гражданского иска против частного владельца упомянутой собственности было практически прекращено во исполнение заключения Конституционного суда мнения 2005 года, в результате чего он не смог предъявить в судах новые доказательства касательно его жалобы на то, что собственность не была национализирована должным образом, поскольку на постановлении о национализации отсутствует обязательная в этих случаях подпись. Комитет отмечает, что автор возражает против решения, вынесенного Конституционным судом, но не приводит обоснований в подтверждение того, что исполнение этого решения в его случае было произвольным. Из материалов, представленных Комитету, не вытекает, что недостатки такого рода негативно отразились на данном судебном разбирательстве, и автор не представил для целей приемлемости достаточных доводов в обоснование утверждения о том, что итог рассмотрения его гражданского иска был несправедливым по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта. Следовательно, сообщение в этой части является неприемлемым в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.6 И наконец, Комитет принимает к сведению утверждение автора, что он и его родственники имеют право на получение компенсации за национализированное имущество в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Пакта. Комитет напоминает, что частные лица могут ссылаться на пункт 3 статьи 2 Пакта только в связи с другими положениями Пакта и не могут делать его самостоятельным предметом своих требований в соответствии с Факультативным протоколом¹⁸. Комитет далее напоминает, что защита права собственности не гарантируется Пактом¹⁹, и он, соответственно, некомпетентен *ratione materiae* рассматривать любые предполагаемые нарушения этого права. Таким образом Комитет полагает, что статьи 2 и 3 Факультативного протокола не позволяют ему рассмотреть настоящее сообщение в этой части²⁰.

7. В свете вышеизложенного Комитет постановляет:

- a) признать настоящее сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 3 Факультативного протокола;
- b) препроводить это решение государству-участнику и автору сообщения.

¹⁸ См., в частности, сообщение № 1834/2008, *А.П. против Украины*, решение о неприемлемости от 23 июля 2012 года, пункт 8.5.

¹⁹ См. сообщение № 724/1996, *Мазуркевич против Чешской Республики* (см. сноску 11), пункт 6.2, и сообщение № 544/1993, *К.Д.Л. против Финляндии*, решение о неприемлемости от 3 ноября 1993 года.

²⁰ В свете своих выводов Комитет не считает необходимым для целей приемлемости рассматривать утверждение государства-участника о том, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты.

Приложение

[Язык оригинала: французский]

**Особое (частично несогласное) мнение членов Комитета
Мауро Полити, Виктора Мануэля Родригеса-Ресии
и Оливье де Фрувиля**

1. Мы согласны с выводами, изложенными Комитетом в пунктах 6.5 и 6.6 его Соображений по делу X., Y., Z. и A. Жалоба по статье 14 Пакта в отдельности является явно необоснованной. Жалоба по пункту 3 статьи 2 не приемлема, так как нельзя сослаться на статью 2 в отдельности, только в сочетании с каким-либо правом, признаваемым в Пакте.

2. При всем уважении, однако, мы не согласны с аргументацией и выводом Комитета в отношении утверждения автора о толковании Закона № 87/1991 Конституционным судом в 2005 году. Жалоба автора не изложена ясно. Так, мы не убеждены в том, что он вправе сослаться на статью 14 в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 26. По нашему мнению, проблема заключается не столько в толковании Конституционным судом Закона 1991 года, сколько в установленном этим Законом временном пределе, который ограничивает право на реституцию собственности, конфискованной или экспроприированной после 1948 года. Для автора было бы возможно лучше сослаться на статью 26, как в случае с Шеффером^a, поскольку его жалоба в основном касается данного временного ограничения, интерпретации законодательства Конституционным судом и тех дискриминационных последствий, которые он с этим увязывает. В данном вопросе мы согласны с перефразированием Комитетом жалобы в начале пункта 6.4 и со сделанным выводом, а именно с тем, что судебное решение по делу *Симунек и др. против Чешской Республики* не применимо, ибо дело Симунека затрагивает частных лиц, которые подпадают под временные рамки действия Закона 1991 года, но в соответствии с этим Законом подвергаются дискриминации по признаку их гражданства. Следует отметить, что, несмотря на перефразирование жалобы, Комитет воспроизводит в конце пункта первоначальную формулировку автора и объявляет данное утверждение явно необоснованным. Может возникнуть вопрос, почему Комитет включил в пункт 6.3 свое заявление о том, что он «напоминает, что по общему правилу именно судам государств – участников Пакта надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение внутреннего законодательства в каком-либо конкретном деле». На наш взгляд, авторы оспаривают не применение законодательства или оценку фактов, а толкование законодательства, в частности толкование Конституционным судом временных ограничений, установленных в Законе 1991 года. Также можно отметить, что Комитет, как представляется, не счел необходимым отвечать на аргумент государства-участника о том, что семья автора не исчерпала внутренние средства правовой защиты (см. пункт 4.2), хотя это и не имеет ключевого значения.

3. Объявляя жалобу автора неприемлемой в пункте 6.4, Комитет применил ту же аргументацию, как и в деле *Дробек против Словакии*. Он заявил, что «Закон 1991 года не применяется в отношении автора и его родственников из-за даты, когда была конфискована их собственность», и что «на эту собственность не распространяется действие оспариваемого Закона 1991 года вследствие временных ограничений, которые применимы ко всем в равной степени». По делу Дробека Комитет постановил, что «в настоящем случае законодательство, принятое после

^a См. сообщение № 1967/2010, *B. и C. против Чешской Республики*, решение о неприемлемости, принятое 2 апреля 2015 года.

падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не является дискриминационным *prima facie* по смыслу статьи 26 лишь потому, что, как утверждает автор, оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами» (см. сообщение № 643/1995, решение, принятое 14 июля 1997 года, пункт 6.5)^b.

4. Аргументацию Комитета по этому вопросу можно, как нам представляется, подвергнуть критике по двум моментам. Что касается формы аргументации, то, как кажется, есть некоторая путаница между отсутствием *prima facie* нарушения и явно необоснованным характером жалобы. Хотя наличие может на первый взгляд не быть очевидным, это не означает, что очевидно отсутствие самого нарушения или что доказательства, предъявленные автором в обоснование своей жалобы, настолько неубедительны, что жалоба должна быть признана явно необоснованной. Тем не менее в этом случае Комитет прекращает рассмотрение дела, исходя из *prima facie* оценки.

5. Можно подвергнуть критике и аргументацию по существу, поскольку Комитет использует необычно узкое толкование статьи 26, полагая, что последствия какого-либо закона воспринимаются только лицами, на которых распространяется его действие. По крайней мере, после изложения своих Соображений по делу *Альтхаммер против Австрии*^c Комитет все же признал, что нарушение статьи 26 «может также быть результатом дискриминационных последствий каких-либо постановлений или мер, которые, на первый взгляд, нейтральны и не направлены на дискриминацию». Иными словами, закон, сфера действия которого была ограничена *ratione temporis* или *ratione personae*, может намеренно или ненамеренно иметь дискриминационные последствия для лиц, которые не подпадают под действие этого закона. Поэтому нам представляется, что в настоящем случае Комитету следует рассмотреть необходимость более внимательного изучения вопроса о последствиях Закона 1991 года и интерпретации Закона национальными судами и, соответственно, признать жалобу приемлемой.

6. В рассматриваемом случае фабрика отца автора была национализирована на основании Декрета № 100/1945. Однако, в Законе № 87/1991 о внесудебной реабилитации предусмотрено возвращение собственности, конфискованной начиная с 25 февраля 1948 года. Соответственно, очевидно, что временные рамки действия Закона исключают любые ходатайства о реституции в связи с конфискациями, которые имели место в 1945 году. Конечно, мотив национализации сам по себе не носил дискриминационного характера, так как, по признанию и автора, и государства-участника, критерии национализации были основаны на важности и размере фабрики (см. пункты 2.1 и 4.4). Тем не менее, хотя владелец национализированной собственности имеет право на компенсацию в соответствии со статьей 8 Декрета, в статье 7 делается из этого правила исключение, которое преду-

^b См., однако, особое мнение членов Комитета Сесилии Медины Кироги и Экарта Кляйна, которые полагают, что сообщение должно было быть признано приемлемым и рассмотренным по существу:

«Комитет объявил это сообщение неприемлемым из-за недостаточного обоснования иска автора. Мы не согласны с этим решением. Автор приводит четкие причины, по которым он считает, что подвергается дискриминации государства-участника: он так считает не только потому, что Закон № 87/1991 распространяется лишь на собственность, захваченную при коммунистическом режиме, а не на конфискации по декретам 1945 года, проводившиеся с 1945 и 1948 год докоммунистическим режимом; автор заявляет, что принятие Закона № 87/1991 отражает поддержку Словакией дискриминации, которой лица немецкого происхождения подвергались сразу после окончания Второй мировой войны».

^c См. сообщение № 998/2001, *Альтхаммер и др. против Австрии*, Соображения, принятые 8 августа 2003 года, пункт 10.2. См. также сообщение № 976/2001, *Дерксен против Нидерландов*, Соображения, принятые 1 апреля 2004 года, пункт 9.3.

считает, что компенсация не выплачивается гражданам Германии, «если они не докажут, что оставались лояльными по отношению к Чехословацкой Республике, никогда не совершали каких-либо правонарушений во вред Чехии или Словакии, активно участвовали в борьбе за освобождение страны или пострадали от нацистского или фашистского террора» (см. пункт 2.1). Из изложения фактов не ясно, пытался ли отец автора воспользоваться этими исключениями (сравните версию автора в пункте 2.1 с версией государства-участника в пункте 4.4). Известно лишь, что «компенсация не была ни выплачена, ни отвергнута» (см. пункт 2.1).

7. Важно в то же время отметить, что Декрет был одной из более общих мер, таких, как меры, рассмотренные не только в связи с делом Дробека, но и в связи с делом Шефера, которые были направлены на конфискацию имущества лиц, принадлежащих к определенной национальной или этнической группе, или обуславливали предоставление компенсации за такую конфискацию выполнением особых условий, как в рассматриваемом случае, при том, что для остальной части населения таких условий установлено не было. Потенциальные косвенные последствия Закона 1991 и его интерпретаций следует рассматривать, принимая в качестве отправной точки различия в обращении, основанные на национальном или этническом происхождении, которые возникли в 1945 году. Установив временное ограничение – по всей видимости, в нейтральной форме – для всех компенсаций за конфискации, имевшие место до 1948 года, разве закон не генерировал негативные последствия, которые «затрагивают исключительно либо несоразмерно лиц конкретной расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иных особенностей»^d?

8. Вот вопрос, на который Комитет должен был попытаться ответить, рассматривая сообщение по существу и призывая стороны ясно высказаться насчет того, затрагивают ли Закон 1991 года и его интерпретации исключительно либо несоразмерно граждан Германии? Если бы Комитет пришел к такому выводу, то государство-участник по-прежнему имело бы возможность доказать, что нарушение права на равенство перед законом такого рода по смыслу статьи 26 имело законную цель и было основано на объективных и разумных причинах.

9. Мы полагаем, что Комитет должен был исходить из своей практики и поднимать вопросы, касающиеся существа сообщения, вместо того, чтобы делать относительно формальный вывод, что Закон 1991 года «не применяется» в отношении автора и его родственников.

---

^d См. сообщение № 998/2001, *Альтхаммер и др. против Австрии* (см. сноску с), пункт 10.2.